

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор — начальник
Управления научной политики и
организации научных исследований
Федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Московский государственный
университет имени
М.В.Ломоносова»
доктор физико-математических
наук

А.А. Федянин
« 26 » марта 2019 года

Отзыв

ведущей организации о диссертации О.Ю. Чуйковой «Семантика будущего времени в русском, английском и испанском языках (взаимодействие темпоральности, аспектуальности и модальности)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация О.Ю. Чуйковой — значительное и по объему и по содержанию исследование семантики и дистрибуции глагольных форм, имеющих временную референцию к будущему, которое опирается на оригинальное описание релевантных фрагментов грамматических систем русского, английского и испанского языков. Диссертация представляет собой ценный пример работы, в которой анализ важного грамматического явления выстраивается вдумчиво и последовательно, которое охватывает огромный материал, полученный автором в ходе работы с корпусными данными. Наблюдения и обобщения, изложенные в работе, имеют большую эмпирическую ценность. Появление этой работы знаменует, на наш взгляд, существенное приращение знаний о структуре и интерпретации временных форм трех европейских языков.

Главный предмет исследования — будущее время и целый ряд смежных проблем как эмпирического, так и теоретического характера, в первую очередь проблемы взаимодействия темпорального, аспектуального и модального компонентов значения глагольных форм, которые обеспечивают возможность выстраивать утвердительные предложения о ситуациях, отнесенных в будущее. С описательной точки зрения, в исследуемых языках имеется целый ряд грамматических средств, выбор которых зависит от многих факторов, определяющих временную локализацию ситуации, ее аспектуальный профиль и эпистемические основания, на которых базируется утверждение говорящего. К ним относятся в первую очередь наличие информации о намерениях говорящего или агенса описываемой ситуации, присутствие в текущем контексте сведений о таком положении дел, которое при нормальном развитии событий влечет за собой наступление утверждаемой ситуации, ее временная удаленность от момента речи и ряд других.

Дистрибуция грамматических показателей, задающих временную референцию к будущему, подвержена значительному межъязыковому варьированию, поэтому общие контуры системы таких показателей редко воспроизводятся даже в близкородственных языках. Это дает возможность получить важные обобщения, существенные для понимания природы будущего времени, даже на материале языков, принадлежащих к одной языковой семье. Таким образом, хотя исследование нельзя признать типологическим в строгом смысле, его результаты имеют не только частноязыковую значимость, но и важные следствия для описания структуры и интерпретации грамматических форм с временной референцией к будущему в целом.

Сопоставительные исследования будущего времени крайне важны сразу по многим причинам. С одной стороны, они позволяют добиться лучшего понимания того, как временные отношения реализуются в языковых системах, выявить параметры межъязыкового варьирования в этой области и стабильных ограничений на это варьирование. С другой стороны, будущее время неизменно фигурирует в теоретических и эмпирических обобщениях о характере взаимодействия граммем нескольких взаимосвязанных грамматических категорий — не только временных, но и аспектуальных и модальных. Наконец, самое главное, продолжается обсуждение семантической природы будущего времени, в первую очередь в контексте вопроса о том, следует ли понимать время линейно — как временную ось, детерминированную в любой точке (в этом случае статус будущего не отличается принципиальным образом от статуса прошлого), — или модально, когда предполагается, говоря фигурально, что «будущего нет, поскольку оно еще не наступило», и в этом случае следует рассматривать его как дерево ветвящихся альтернатив.

Все это обуславливает теоретическую ценность предлагаемого исследования, которое позволяет взглянуть на многие из обсуждающихся в литературе проблем

в новом свете и предложить свежие обобщения о дистрибуции временных граммем в конкретных языках.

Кажется безусловной и эмпирическая/практическая значимость диссертации. Любой исследователь, занимавшийся будущим временем, может подтвердить, что имеющиеся частноязыковые описания слишком часто опираются на нечеткие понятия, не позволяющие выстроить теорию, которая предсказывала бы дистрибуцию футуральных граммем. Сама эта дистрибуция, по удачному выражению Э. Даля (Dahl 2000: 317), слишком далека от «структуралистского идеала, когда система характеризуется четкими оппозициями и простыми соотношениями значений». Последняя проблема проявляется в том, что системы будущего времени в конкретных языках, где имеется более одной футуральной формы, крайне редко дают исследователю возможности построить минимальные пары, в которых эти формы обнаруживали бы явный семантический контраст. Практикуемый в диссертации корпусной подход позволяет надеяться, что выявление если не строгих семантических запретов, то хотя бы предпочтений и частотных асимметрий вполне возможно.

Композиция диссертации хорошо выстроена и продумана. После Введения, содержащего информацию, обусловленную жанром диссертационного сочинения, дается сжатая характеристика языкового материала. Далее автор переходит к главе 1, где вводятся используемые в работе термины и понятия, а также характеризуются представленные в имеющейся литературе теоретические воззрения на предмет. Теоретическое введение опирается главным образом на стандартную обойму работ функционально-типологического направления, в первую очередь Б.Комри, Э.Даля, Дж. Байби, С. Флейшман и т.д., и характерный для них круг исследовательских проблем — временной vs. модальный анализ, предиктивность, проспективность, запланированное будущее. Вызывает сожаление отсутствие в этой главе систематического обсуждения достижений и проблем, присущих формально-семантическим исследованиям категории времени, в первую очередь, Б. Копли (Copley 2002, 2014), а также работ А. фон Штехова, Х. Кампа, Т. Огихары, И. Хайм и Д. Абуш.

В главе 2 предлагается последовательное описание средств референции к будущему в трех исследуемых языках — русском, английском и испанском. В русском языке — это так называемые «формы будущего времени», т.е. аналитическая форма с лично-числовыми формами глагола *быть* и инфинитивом для имперфективных предикаций и лично-числовые формы для перфективных предикаций, а также «ингестивной» конструкции, состоящее из *быть* и существительного (например, *Я буду нищу*), *стать* с инфинитивом и форм настоящего времени. Хотя основные факты о дистрибуции «форм будущего времени» можно считать давно установленными, автору удается сделать целый ряд нетривиальных наблюдений о соотношении категории лица и семантическими оттенками будущего, а также сформулировать гипотезу,

согласно которой «при равных условиях будущее НСВ, с большей вероятностью выражает значение намерения, а будущее СВ — значение предсказания».

Говоря об английской системе средств референции к будущему, автор, по-видимому, не упускает из виду ни одной из описанных в литературе возможностей. Это конструкции со вспомогательными глаголами *will* и *shall*, конструкция с *be going to*, настоящее общее и прогрессивное. В испанском языке к рассмотрению привлекаются «простое будущее», конструкция *ir a* с инфинитивом, а также презенс. Первое, как обсуждает автор, «тяготеет к выражению значения предсказания с характерным для поздних стадий грамматикализации сдвигом в сторону эпистемической модальности»; второе — «чаще выражает значение намерения»; третье, как и многие его аналоги в других языках, не исключая английского и русского, используется в контекстах запланированного будущего и тому подобных. В соответствии с принятым автором исходным соглашением, статус грамматических показателей временной референции к будущему могут получить только единицы, доступные в предиктивных контекстах, и испанский презенс и аналогичные показатели в их число не входят.

Глава 3, содержательно доминирующая и наибольшая по объему, описывает семантические особенности рассматриваемых в диссертации средств референции к будущему. Глава организована в три раздела, каждый из которых посвящен одному аспекту их интерпретации — темпоральному, аспектуальному и модальному. В этих разделах затрагиваются частные сюжеты, имеющие отношение хотя бы к одному из целевых языков исследования. В разделе о темпоральной семантике обсуждаются проблемы временной дистанции («иммедиативности») и выявляется наличие у рассматриваемых форм обусловленных этим параметром интерпретации семантических предпочтений. Здесь же речь идет о соотношении полного или частичного следования описываемой ситуации за моментом речи.

Аспектуальный раздел затрагивает два основных сюжета — «выражении значений, соответствующих подготовительной стадии ситуации» и «референция к срединной стадии ситуации». Этот раздел содержит многочисленные частные наблюдения об отдельных параметрах аспектуальной интерпретации футуральных форм. Особенно интересным, в частности, выглядит материал о о дистрибуции конструкций с элементами *все не*, *никак не* и т.п. В то же время несколько менее убедительными, чем остальное изложение, кажутся соображения об реинтерпретации прогрессивной семантики при временной референции к будущему.

Раздел о модальной семантике достаточно краток и содержит только обсуждение данных русского языка.

В заключении суммируются основные результаты исследования. Список литературы содержит 202 позиции.

Оценивая работу в целом, мы полагаем необходимым охарактеризовать ее как существенное достижение в области сопоставительных исследований семантики будущего времени. В ней собран, проанализирован и введен в научный оборот значительный материал, который часто позволяет рассматривать давние проблемы этой области семантики в новом свете. Это определяет научную новизну и актуальность диссертации. В работе сделано несколько оригинальных наблюдений, имеющих отношение к решению серьезных эмпирических проблем, которые возникают перед типологически-ориентированным исследованием будущего, которое нуждается в получении надежных межъязыковых обобщений и выявлении универсальных ограничений на устройство грамматических систем. Производит самое благоприятное впечатление тщательность, с которой автор обсуждает корпусные данные и рассматривает возможности для их интерпретации. Диссертация содержит много важных описательных обобщений о семантике футурумов и о дистрибуции соответствующих грамматических форм. Все это придает исследованию как серьезную теоретическую значимость, так и значительную практическую ценность.

Переходя к обсуждению тех положений диссертации, которые оставляют некоторое пространство для дальнейших улучшений, мы хотели бы подчеркнуть дискуссионный характер нижеследующих соображений. В диссертации обнаруживается обнадеживающе мало утверждений, которые можно трактовать как однозначно неверные, и ни одно из них не имеет принципиального характера.

Например, неверно, что различие между футурумами и футуроидами — это частный («более узкий») случай различия между «times» и «tenses» (с. 17). Последнее связано с противопоставлением конкретных языковых форм (например, Present Progressive в английском языке) и аспектов их семантической интерпретации (например, present); в русской терминосистеме в обоих случаях неудачным образом используется слово *время*. Различие между футурумами и футуроидами, с другой стороны, — сугубо семантическое.

Не останавливаясь на незначительных деталях такого рода, мы бы хотели далее высказать несколько более содержательных соображений.

Через всю диссертацию проходит вопрос о категоризации значения проспектива, который впервые возникает на с. 28, — является ли оно аспектуальным, «то есть апеллирующим к (внутренней) структуре ситуации», или темпоральным, «то есть локализующими ситуацию во времени (относительно момента речи)». Как кажется, такой взаимоисключающий подход не является эмпирически неизбежным. Напротив, существует устойчивая традиция анализировать формы типа английского *be going to* как содержащие и темпоральный и аспектуальный компоненты. Б. Копли, например, предлагает понимать такие формы в терминах квантификации по метафизически доступным мирам; в этом отношении они устроены так же, как и все остальные футурумы. Однако, в отличие от футурума с *will*, у *be going to* имеется и аспектуальный элемент значения ‘прогрессив’, и именно он несет ответственность за известные

семантические особенности этой формы. Соответственно, «проведение четкой границы между данными категориями и однозначное отнесение лингвистических средств к одной из них» (с. 33) может представлять собой не просто «нетривиальную», а ложную задачу.

Представляется неудачным предложенное понимание иммедиативного будущего — «предполагаемое наступление ситуации не совпадает, но максимально приближено к моменту речи; в момент речи часто существуют предпосылки реализации ситуации» (с. 26). Наличие предпосылок для осуществления ситуации и временное расстояние до момента речи — логически независимые параметры, что подтверждается и эмпирическими данными о семантических суждениях носителей языков. Например, в тех языках, где для выражения иммедиативного будущего используются специализированные показатели, весьма вероятно их появление в предложении типа *Монета упадет орлом вверх*, произнесенного в момент подбрасывания монеты. Однако вряд ли в этом случае можно говорить о предпосылках реализации ситуации ‘упасть орлом вверх’, существующих в момент речи. Обратное, предложение *29 июня 2078 года Земля столкнется с астероидом* может произнести исследователь из обсерватории, закончивший расчет траектории астероида. В этом случае все предпосылки для столкновения в момент речи имеются, однако событие вряд ли относится к плану иммедиативного будущего. Как кажется, соображения о предпосылках было бы целесообразно изъять из определения иммедиативности.

Примерно по тем же соображениям кажется неудачным и определение запланированного будущего — «ситуация, реализация которой ожидается в ближайшем будущем ...; ситуация, запланированная заранее» (с. 27). Запланированность и ожидаемость в ближайшем будущем — не менее разные параметры, чем в предыдущем случае. Предложение типа *Согласно конституции, президент Уганды покидает свой пост в 2044 году*, сообщает о запланированном событии, однако вряд ли оно с неизбежностью характеризуется ожидаемостью и тем более ожидаемостью в ближайшем будущем. (Кроме того, нельзя не заметить, что понимание запланированности остается в работе на интуитивном, дотеоретическом уровне.)

Как представляется, нуждаются в дополнительном обсуждении некоторые статистические данные, представленные в работе. Например, выясняется (с. 143), что будущее НСВ встречается совместно с наречием *сейчас* в 0,4% случаев, будущее СВ — в 0,6% случаев (различие статистически значимо). Это наблюдение используется для обоснования гипотезы (с. 144), согласно которой «в иммедиатных контекстах будущее время предполагает перфективность».

Складывается впечатление, что эти же данные совместимы и с противоположным рассуждением: имперфективное будущее тяготеет к иммедиатности само по себе, поэтому для акцентирования иммедиатности не нуждается в помощи наречий. Перфективное будущее, напротив, менее специфицировано с точки зрения временной дистанции, и именно поэтому

нуждается к эксплицитном указании на иммедиатность с помощью наречия. Подчеркнем: мы не утверждаем, что предлагаемая автором гипотеза неверна. Мы лишь хотели бы заметить, что данные, приводимые для ее обоснования, не столько однозначны, как может показаться на первый взгляд.

Еще один пример в этом ряду — соображение, высказанное на с. 38: «в целом можно говорить о количественном преобладании форм третьего лица для будущего времени обоих видов, что может свидетельствовать о развитой способности к выражению значения предсказания». Опять же, само по себе преобладание форм третьего лица в будущем времени может иметь более одной причины. Нельзя исключить, например, что числа, показанные в таблице 1, соответствуют фоновой дистрибуции трех лиц по предложениям русского языка с любой временной референцией. В таком случае этот материал ничего не говорит о том, как формы будущего времени соотносятся со значением предсказания. Для полного обоснования высказанной в работе идеи, таким образом, необходимо исключить альтернативные объяснения наблюдаемого количественного распределения, однако этого в работе сделано не было.

Кажется небесспорным описание так называемого частичного следования. Как случай частичного следования автор предлагает анализировать примеры типа (142): ... *молчит* ... и *будет молчать*, когда речь идет о «существовании фрагментов одной и той же ситуации в двух временных планах (плане настоящего и плане будущего)».

Думается, что примеры такого типа показывают лишь наличие в двух временных планах ситуаций, удовлетворяющих одной и той же **дескрипции**, в данном случае *молчать*. Показывают ли они, кроме того, что мы имеем дело с одной и той же ситуацией, остается неочевидным (во всяком случае, автор этого не аргументирует). Если да, любое будущее НСВ становится тривиальным образом будущим с частичным следованием, поскольку построить шаблон вида «X V-PRS и будет V-INF» можно, по-видимому, для любого глагола НСВ. Это подчеркивает важность различать близкие, но идентичные понятия: тождество описываемых сущностей и тождество описывающих их дескрипций.

Без дополнительных уточнений и разъяснений вызывает некоторое недоумение и идея о том, что перфективность — градуальная характеристика, которая может быть представлена у разных форм (или у разных употреблений одной формы) в большей или меньшей степени) (с. 186). Если О.Ю. Чуйкова соглашается с таким авторами, как В. Кляйн и В.А. Плунгян, что перфективность — это вложенность времени ситуации в фокусный временной интервал («окно наблюдения»), то эта характеристика либо присутствует у языкового выражения, либо нет. Как она может создавать градуируемое, параметрическое свойство, остается непонятным. Соответственно, примеры типа (203) странно объяснять указанием на большую перфективность общефактического НСВ в будущем по сравнению с прошлым.

Кроме всего прочего, сама идея, что общефактический НСВ возможен не только в контекстах с референциях в прошлом, но и в утверждениях о будущем, которую автор нашел у Е.В. Падучевой, нуждается в значительно более подробном проговаривании. Следует, в частности, уточнить, как сама идея общефактичности, которая предполагает реализацию описываемой ситуации в мире, совмещается с модальным характером будущего, о котором в диссертации подробно говорится в нескольких местах. Этого, однако, не происходит; автор попросту сообщает читателю, что «взгляд на будущую, не принадлежащую реальному миру, ситуацию извне является наиболее естественным» (с. 231).

Нуждаются в дополнительной проработке и обосновании и многие другие теоретические рассуждения, которые должны объяснить наблюдаемые автором статистические закономерности. Например, относительно низкую частотность будущего НСВ в контекстах прогрессива предлагается объяснять как результат того, что «сочетание в одной глагольной форме признаков “имперфектив (прогрессив)” и “будущее время” представляет собой сложную для восприятия и, следовательно, неудачную комбинацию». В этом месте возникает вопрос, в чем состоит относительно более высокая сложность для восприятия прогрессива в будущем по сравнению, например, с прогрессивом в прошедшем, и из каких семантических допущений о значении прогрессива это вытекает. Вопрос, к сожалению, так и не получает ответа.

Завершим этот раздел терминологическим соображением. Проспектив в прошедшем и авертив Т. Кутевой (с. 158) — это не совсем одно и то же, вопреки тому, что говорится в тексте диссертации. Указание на нереализованность ситуации входит только в значение последнего. У первого оно если и возникает, то лишь в качестве имплицатуры. (На прагматическую природу авертивного прочтения проспектива в прошедшем указывает и В.А. Плунгян (Плунгян 2011).) Отождествление проспектива в прошедшем и авертива приводит автора в разделе 3.2.1.2.2 к слишком поверхностному сближению проспективных форм английского и испанского языков с русскими конструкциями с *было*, в значении которых, по-видимому, обоснованно предполагается авертивность.

Высказанные соображения, впрочем, имеют дискуссионный характер и не подрывают сделанных автором эмпирических и теоретических обобщений.

Рецензируемая диссертация полностью соответствует пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, и решена научная проблема, имеющая важное значение для лингвистической типологии и теоретического синтаксиса.

Автореферат и публикации по теме работы, в том числе статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК, полностью отражают ее основное содержание. Работа содержит новые научные результаты и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку.

Таким образом, рецензируемая работа полностью отвечает требованиям ВАК, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор О.Ю. Чуйкова заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Отзыв составлен заведующим кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова доктором филологических наук профессором РАН Сергеем Георгиевичем Татевосовым.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 20 марта 2019 года, протокол № 3.

Заместитель декана филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
доктор филологических наук

О.В. Александрова

Заведующий кафедрой теоретической
и прикладной лингвистики
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
доктор филологических наук

С.Г. Татевосов

